

В. В. Портнов¹

ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Все сущее в природе — и одушевленное, и неодушевленное — при всем своем разнообразии живет по единому вселенскому своду законов. Правда, далеко не все они известны людям, поэтому, придумывая свои законы, они часто выламываются из законов космического свода, а это приводит к различным трудностям и катаклизмам, которых люди не ожидали и которым потом очень удивляются. Но сейчас хотелось бы коснуться тех ситуаций, когда действия единых законов как раз хорошо прослеживаются.

Для того чтобы образовался жемчуг, нужно, чтобы песчинка попала в раковину моллюска. Моллюск заболевает, старается отторгнуть песчинку, но в результате он ассимилирует инородное тело и рождается прекрасная жемчужина. Нечто аналогичное, на наш взгляд, происходит и с формированием крупной человеческой личности в недрах общества. Личность всегда продирается сама к себе сквозь препоны общества. Заурядное общество поначалу воспринимает незаурядную личность как инородное тело и пытается ее отторгнуть. Правда, потом поздние современники и потомки будут восторгаться масштабом выдающейся личности и огромной сферой ее влияния. Это потом ее одарят признанием, а еще позже воздадут должное и даже начнут преклоняться.

Особенно знаменательно то, что так же, как вокруг песчинки образуется жемчужина, так вокруг личности образуется то особое драгоценное общественное пространство, которое, пропитываясь обаянием и идеями личности, несет и развивает их в будущем времени, даже после ухода из жизни самой личности. Не так ли произошло и с выдающейся личностью Дмитрия Сергеевича Лихачева?

Но у жемчужин есть одно удивительное свойство, о котором лучше всего знают женщины: если украшение долго не носить, то без живого человеческого тепла жемчужина тускнеет. Вот почему так важно, чтобы Лихачевские чтения проходили регулярно.

Тема VIII Международных Лихачевских научных чтений — «Диалог культур и партнерство цивилизаций». Поставленная в соотнесении с именем Дмитрия Сергеевича Лихачева, эта тема расширяет и само понятие «выдающаяся личность». Сфера влияния выдающейся личности такова, что она, как правило, выходит не только за пределы своего региона, но и, преодолевая рубежи страны, становится всепланетной. *Выдающаяся личность по своей природе уже и есть диалог культур и диалог цивилиза-*

ций. Ведь знаками общения и взаимовлияния мировых культур и являются выдающиеся личности, выдающиеся представители той или иной культуры, того или иного народа. *Они — визитные карточки народа, дающие право «везда» в иную культуру.*

Только не надо путать культуру с массовой культурой и различными субкультурами.

Позволю себе еще одну аналогию. Всем известно: чем глубже и сильнее корни, тем крепче в земле держится дерево. Те, кому приходилось бывать в каких-либо лесах — подмосковных или в сибирской тайге, — наверняка видели деревья, вывороченные бурей. И, наверное, обратили внимание на то, что их корневища похожи на огромные плоские блюда, именно плоские. Значит, эти, а не другие деревья выворочены бурей потому, что их корни не пошли вглубь, были «поверхностными». С людьми происходит похожее явление.

Посмотрите, что нынче дают студентам и школьникам гуманитарные науки? Министерские чиновники от образования декларируют гуманитарное образование на фоне сокращения часов на литературу и историю. Знания в лучшем случае идут вширь, по близкому временному пространству, но никак не вглубь.

Я много лет занимаюсь с литературно одаренными школьниками и студентами. Я восхищаюсь их талантом и прихожу в уныние от их литературного невежества. Они знают литературу и историю не глубже, чем «сегодня» и в лучшем случае «вчера». Я называю их образование «плоскознанием» по аналогии с «плоскостопием». Между тем школьные программы упорно ориентируются на то, чтобы хоть и дилетантски, но дать представление о структуре того или иного произведения, о композиции, способах построения образа и т. д. Создается впечатление, что их готовят в литературные патологоанатомы или в будущие литературоведы. Между тем, на мой взгляд, уроки литературы должны иметь совсем другую цель — прививать любовь к отечественной словесности, к настоящей литературе, научить отличать истинное от подделки, чтобы потом людей не провели на дешевом чтиве. Не продолжать готовить «плоскознающих», а воспитать хороший литературный вкус — вот задача школьных уроков литературы.

В последнее время в связи с образованием мы все время слышим слова «инновация», «толерантность», «креативность» и т. п. Что ж, новые времена — новые слова. Но, увы, архаизмом стало слово «просвещение». О таком понятии, как «просвещение», у нас просто забыли, выкинули его. Уместно вспомнить, что гениальный Александр Сергеевич Пушкин мечтал: «И над отечеством свободы

¹ Главный редактор журнала «Студенчество. Диалоги о воспитании» (Москва), член Союза писателей России.

ПРОСВЕЩЕННОЙ взойдет ли, наконец, прекрасная заря?» Потому что «свобода просвещенная» — это демократия, непросвещенная свобода — это беззаконие и анархия, что сейчас и происходит.

«Плоскознание» не так уж безобидно. Один из московских чиновников, выступая два месяца назад в Санкт-Петербурге на одной из студенческих конференций, с лихостью кавалериста заявил, что в нынешних условиях подготовки вузов к вступлению в Болонский процесс нужно вообще отказаться от термина «воспитательная работа в вузе» и заменить его термином «оказание поддержки саморазвитию студентов». Что поделаться, ведь молодой человек не знает, что еще в V в. до н. э. Сократ устами Платона (в «Диалогах») сказал: «Воспитание и образование — единственное средство, ведущее к идеалу человека разумного и добродетельного». Не читал он, видимо, и памятной доски на здании Царскоевского лицея — «Здесь воспитывался А. С. Пушкин». Обратим внимание: не учился, а воспитывался. Правда, возможно, об этом не знают и чиновники из высоких кабинетов Министерства образования и науки РФ. Многократно и повсеместно они заявляют о необходимости воспитательной работы в вузах. Но в весьма многочисленном штатном расписании министерства нет ни одного сотрудника, должностные обязанности которого включали бы курирование воспитательной работы в вузах. Нет для них такой работы — и все.

На упомянутой конференции мне пришлось выступать сразу после того молодого чиновника. И я попросил студентов, сидящих в зале, поднять руку, если они любят, когда их воспитывают. Конечно, никто не поднял руку. Тогда я попросил поднять руку тех, кто любит, когда его считают невоспитанным человеком. Тоже никто. Как же так? Значит, все дело в том, что студенты не любят, когда их воспитывают так, как это зачастую делается сегодня. Тут уже проблема для взрослых. Значит, что-то надо менять в методике, в подходе к воспитанию.

В педагогике существует много определений понятия «воспитание». Я же понимаю воспитание как **ВЗАИМОВЛИЯНИЕ**. Нам известно несколько случаев, когда человек по тем или иным причинам был принят волчьей стаей и долго жил в ней. И что получалось? Он практически переставал быть человеком потому, что был лишен влияния людей. Конечно, влиять можно по-разному: и в сторону созидания, и в сторону антисозидания.

Дмитрий Сергеевич Лихачев говорил, что можно притвориться культурным, умным, влюбленным и тому подобное, но нельзя притвориться интеллигентным. Я знаю концепции воспитательной деятельности многих вузов. Они декларируют подготовку успешных профессионалов, патриотов, социально адаптированных личностей, лидеров и т. п. И только в одном российском вузе — в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов — я увидел до формулы сжатую цель «воспитать нового русского интеллигента». А далее —

* * *

Б. Д. ПАРЫГИН: — Вы говорили о том, что нужно формировать литературный вкус, — правильно. А такой феномен, как литературоцентризм, как Вы думаете, чем вызван? Это, в общем-то, специфическое российское явление. В сегодняшней ситуации

более подробно о том, что вкладывается в понятие «новый русский интеллигент».

И вот я думаю: станет ли интеллигентный человек ломать деревья, загаживать реки, браконьерски убивать птиц и животных? Конечно, нет. Значит, тысячелетия назад люди были достаточно интеллигентны? Однако они были интеллигентны (если таковыми были) для другой, утраченной культуры. А разве культуры исчезают бесследно? Разве лучшие их черты не сохраняются в другой, более поздней культуре? Если это не так, то почему общество (хоть и почти бесполезно) призывает к охране природы, к защите от человека растений, рек, птиц и зверей? Разве так уж наивны народы Севера, которые уважительно, по-партнерски общаются с рекой, деревом, разговаривают с тигром и медведем, не чиня им зла?

Многие люди не задумываются над тем, что в этом мире все, а не только культуры и цивилизации, находится в постоянном взаимовлиянии, в постоянном диалоге — потому что мы все так или иначе зависим друг от друга. Если бы растения миллионы лет назад не научились поглощать углекислый газ и вырабатывать кислород, разве мог бы появиться на Земле человек?

Сутью, стержнем понятия «интеллигент» всегда были и есть законы нравственности. А вузы стремятся готовить, как уже говорилось, прежде всего успешных и социально адаптированных специалистов. Но разве успешные и социально адаптированные не могут быть мошенниками, ворами, взыскателями? Вопрос вопросов: во имя чего, для кого и для чего мы трудимся?

В связи с этим примечательна новелла писателя-фронтовика Эфенди Капиева. Старик-гончар везет на базар продавать свои изделия: глиняные горшки, кувшины, миски. Навстречу ему идут несколько молодых людей, решивших подшутить над ним.

— Старик, сколько стоит вся твоя посуда?

— Три рубля.

— Вот тебе три рубля, теперь посуда наша. Что хотим, то с ней и делаем?

— Конечно.

И молодые люди стали сбрасывать посуду в пропасть.

Старик бросился на обидчиков с криком:

— Возьмите свои три рубля! Я кувшины для людей, а не для пропасти делал!

Нравственная доля в продукте труда всегда была основой для деятельности интеллигентного человека.

Может быть, мои размышления, собранные в этот текст, оказались несколько «непричесанными», разнопрофильными, но мне показалось, что все они имеют прямое отношение к личности Дмитрия Сергеевича Лихачева. Ибо выдающиеся личности всегда многоемки, так как живут не по узким человеческим законам, а по своду законов высшего вселенского масштаба.

эта функция реализуется литературой или все несколько сложнее?

В. В. ПОРТНОВ: — Полагаю, что в школе надо давать наиболее общие сведения. Нужно, чтобы человек понял музыку, «сладость» текста, чтобы он

понял, что такое хорошо и что такое плохо. Он сам потом разберется, как строятся образы, композиция и т. д. Важно, чтобы уроки литературы не отбивали желание читать. Ведь, извините, в свое время меня заставляли читать «Обломова». А потом, когда мой сын учился и у него не было этого произведения в программе, он пришел ко мне с вытаращенными глазами и сказал: «Какую интересную книгу я прочел». Спрашиваю: «Какую?» — «Обломов». — «Не может быть». — «Да ты сам почитай!»

Б. Д. ПАРЫГИН: — Я, наверное, неудачно задал вопрос. Во-первых, литературоцентризм — это не течение, а статус литературы, который она имела в России на протяжении столетий. Писатель — «инженер человеческих душ» — считался учителем жизни. Это феномен значения литературы. А как сегодня? Вы считаете, литература реализует эту функцию или, может быть, нужны какие-нибудь другие, дополнительные источники?

В. В. ПОРТНОВ: — Во все времена, на мой взгляд, искусство, если оно искусство, возвышало человека. Читиво, которое сейчас популярно, пришло и ушло, но оно легче потребляется. Я работал в кино, по моим сценариям сняты фильмы. Мы с Юрием Поляковым обсуждали эти вопросы — тут он мой сторонник. Дело в том, что обязательно литература, искусство должны позитивно воздействовать на личность. Они могут быть полезны только в том случае, если мобилизуют положительное в человеке. В принципе писатель может выполнять функцию «инженера человеческих душ», но если литература не передает чего-то такого, от чего человек становится духовно богаче, то я не понимаю, зачем она нужна. Почему вообще искусство существует? По простой причине — оно живет потому, что мы умеем сострадать, сопереживать. Как только наше соучастие закончится, исчезнет и искусство. Поэтому, я думаю, что литература в школе должна учить соучаствовать, сопереживать.

В. С. МУХИНА: — Вы, Виктор Владимирович, сказали, что у нашего гостеприимного Университета есть позиция: «Воспитать нового русского интелли-

гента». В связи с этим у меня к Вам вопрос. Как Вы понимаете, зачем нам нужны слова «нового русского»? Во-первых, со словами «новый русский» у нас связаны определенные ассоциации. А во-вторых, я думаю, интеллигенты не бывают новыми. Всегда должна быть преемственность. Каково Ваше мнение?

В. В. ПОРТНОВ: — Спасибо за вопрос. В английском словаре, например, приводятся два понятия: «интеллигент» и отдельно — «русский интеллигент».

В. С. МУХИНА: — Надо говорить «русский интеллигент».

В. В. ПОРТНОВ: — Года два назад я интервьюировал Александра Сергеевича Запесоцкого, поэтому отвечаю его словами. Я задал ему этот же вопрос, и он ответил, почему «нового русского». В нынешних условиях интеллигент, как и любой человек, приобретает новые черты. Если раньше, например, в Пушкинском лицее, не требовалось говорить о том, что выпускник должен быть социально адаптированным и конкурентоспособным, то сегодня эти свойства необходимо формировать. В данном случае я отвечаю, почему я это принял. Посмотрите, что произошло. Мы используем массу новых терминов — «инновации», «толерантность» и прочие, а слово «просвещение» никто из нас не произнес, оно вышло из употребления.

В. С. МУХИНА: — В академии его постоянно употребляют.

В. В. ПОРТНОВ: — И слава богу, но за стенами академии — нет. Почему Пушкин писал о «свободе просвещенной»? Потому что это фактически демократия. Просвещенными людьми труднее управлять, помыкать ими. А непросвещенная свобода — то, что мы имеем сегодня, это беззаконие. Вот почему я обрадовался, услышав слово «интеллигент».

А. В. СМЕРНОВ: — Я думаю, что здесь есть противоречия. Дмитрий Сергеевич Лихачев говорил о пользе образования для общества, потому что образованными людьми легче управлять — не помыкая ими, а приходя с ними к взаимопониманию, поскольку они сознательно принимают какие-то решения.